

Д. Г. Каштанов

Миссионерская деятельность в Екатеринбургской епархии в конце XIX — начале XX века (по материалам «Екатеринбургских епархиальных ведомостей» за 1886–1917 годы)

На основе официального епархиального издания «Екатеринбургские епархиальные ведомости» (с 1886 по 1917 г.) в статье рассматривается миссионерская деятельность Екатеринбургской епархии, которая была сосредоточена прежде всего на внутренней миссии. В XIX в. в русской церкви оформилось два вида миссии: внешняя — для язычников и нехристиан и внутренняя — для бывших православных, тех, кто ушел в раскол и сектантство, а также для просвещения самих православных. К объектам внешней миссии на территории Екатеринбургской епархии относились язычники-вогулы и мусульмане (татары и башкиры). Миссионерская деятельность церкви в Екатеринбургской епархии осуществлялась в рамках внутригосударственной политики, которая транслировалась через решения Священного синода — органа церковной и государственной власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Екатеринбургская епархия, внутренняя миссия, внешняя миссия, «Екатеринбургские епархиальные ведомости», Братство во имя прав. Симеона Верхотурского, государственная миссионерская политика.

Исследование миссионерской деятельности Екатеринбургской епархии русской церкви в конце XIX — начале XX в. имеет не только исторический, но и практический интерес. Этот период в истории Российского государства и Русской православной церкви представляет особый интерес для исследования, так как он предшествовал беспрецедентным гонениям на церковь. Анализ миссионерской деятельности в то время может помочь увидеть проблемы и ошибки миссии тех лет, чтобы избежать их сегодня.

Российская империя в конце XIX — начале XX в. принципиально себя позиционировала как православное государство с православным сознанием, православными законами. Этот тезис подтверждается многими фактами, среди которых определяющим является сам государственный строй, при котором управлением церковными делами занимался государственный и церковный орган — Священный синод. В Екатеринбургской епархии принцип симфонии церкви и государства также имел определяющее значение.

Важно обратить внимание на то, что принцип симфонии можно понимать по-разному. Это зависит от внутреннего отношения к истине. Когда человек присваивает истину, определяет ее собой, то его целью становится польза или власть [Бердяев]. Знание истины и обладание истиной дают разные векторы миссии и разные понимания целей и задач внешней и внутренней миссии и, соответственно, их формы. Кроме того, если принципиальная внутренняя позиция миссионера — уверенность в том, что истина принадлежит православной церкви и российскому государству, то методом его миссии будет сообщение об этом, а не проповедь, и даже административные (и уголовные) меры станут рассматриваться как ведущие ко благу.

Для изучения миссионерской деятельности в Екатеринбургской епархии в работе использовались как основной источник все выпуски газеты «Екатеринбургские епархиальные ведомости» (далее — ЕЕВ) с 1886 по 1917 г., в которых опубликованы материалы миссионерского характера: отчеты Екатеринбургского комитета Православного миссионерского общества, Братства во имя прав. Симеона Верхотурского, Екатеринбургского комитета Палестинского общества, журналы собеседования со старообрядцами, а также номера, где публиковались дневники епархиального и окружных миссионеров. В общей сложности было проанализировано 377 номеров ЕЕВ за разные годы, 640 отчетов, статей и других информационных материалов.

Характеристика миссионерского поля

Екатеринбургская епархия была учреждена в 1885 г. и представляла собой обычное для России этого периода миссионерское поле с типичной для окраинной территории ситуацией, когда внутреннюю и внешнюю миссию осуществляли различные церковные организации. Общую характеристику этого поля формировали следующие факторы.

Во-первых, это состояние новой епархии. Для того чтобы сформировать те органы управления, воздействия, информирования и контроля, которые были приняты в других епархиях, требовалось время. Процессы, актуальные для общероссийской церковной ситуации, на фоне выстраивания епархиальных управленческих связей замедлялись. Это напрямую влияло на миссионерскую ситуацию, что выражалось, например, в том, что первые собственные информационные материалы, касающиеся миссии, на страницах ЕЕВ появились только на 8-м году выпуска — в 1893 г. Первоначально это были перепечатки из других изданий. По результатам работы состоявшегося в 1887 г. в Москве Всероссийского съезда противораскольнических миссионеров определением Священного синода от 25 июля 1888 г. за № 1116 были приняты «Правила об устройстве миссий и о способе действий миссионеров и пастырей церкви по отношению к раскольникам и сектантам». Согласно этому документу в епархиях, где имелись раскольники или сектанты, для их вразумления и обличения учреждались одна или несколько должностей епархиальных миссионеров. В Екатеринбурге епархиальный миссионер появился только в 1893 г. В сентябре того же года можно было увидеть первые результаты его деятельности¹. В ЕЕВ № 18 за 1895 г. мы находим публикацию о собеседовании епархиального миссионера со старообрядцами в селе Шарташ².

Во-вторых, значительное влияние на миссионерское поле оказывала государственная поддержка внешней миссии церкви, осуществляемая через орган государственной и церковной власти — Священный синод. Это происходило в русле государственной политики Александра III, направленной на русификацию и христианизацию инородческих окраин империи [Есикова, 34]. В этом процессе государство интересовала прежде всего интеграционная функция внешней миссии, способствовавшая созданию культурного единства на территории многонациональной империи. Таким образом, на миссионерское поле Екатеринбургской епархии влияли не только церковные формы и методы миссии, но и способы укрепления государства. Иаков Стамулис предло-

1. В официальном отделе ЕЕВ № 49 от 4 декабря на обложке издания опубликовано сообщение «Присоединение из раскола в Православие на правилах единоверия», в котором говорится: «5 сентября с. г. возвращен в лоно св. церкви через покаяние крестьянин Черноисточинской волости и завода Николай Дементьев Лошкарев с женою,

в течение 20 лет уклонявшиеся в раскол, а четверо его детей присоединены через таинство св. миропомазания».

2. См.: Из дневника епархиального миссионера // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1895. № 18. С. 461–467.

жил для этого явления название «политический или социальный евангелизм» [Стамулис, 209].

Со времен святого равноапостольного Константина Церковь находилась в тесной связи с государством, вследствие чего цели государства зачастую становились целями Церкви. Русская Церковь переняла именно этот тип отношений. Эта взаимосвязь позволяла гражданским властям определять миссии такие цели, которые заведомо были диаметрально противоположными целям церковной власти [Стамулис, 172].

В третьих, различение миссии на внутреннюю и внешнюю может по-разному пониматься. Разница в понимании происходит от разных целей миссии. Если целью миссии становится охрана государственных интересов, то различение внешней и внутренней миссии привязано к российской государственной границе. Когда цели миссии церковные, разделение проходит по границе церкви, прежде всего канонической и мистериальной [Православная миссия, 176]. Если говорить о форме, то «внешняя миссия — это миссия как бы “заграничная”, т. е. развернутая или прямо “за границей” православно-христианского государства, или внутри этих границ в тех его районах, где большинство традиционного населения не является православным. Тогда ясно, что внутренняя миссия — это миссия, обращенная в остальных районах государства к неправославному меньшинству. <...> Если под ней подразумевать постоянное служение Церкви по распространению и утверждению духа христианства, то внешней окажется вся миссия, о которой мы говорили выше как о внутренней и внешней, а внутренней будет миссия внутри формальных, официальных границ православной Церкви...» [Кочетков, 6–7].

В данной работе различение миссии на внешнюю и внутреннюю проходит по объектам миссии так, как это понимали в исследуемый период. В XIX в. в Русской православной церкви оформилось два рода миссии: внешняя — для язычников и нехристиан, внутренняя — для бывших православных, тех, кто ушел в раскол и сектантство, а также для просвещения самих православных. К объектам внешней миссии на территории Екатеринбургской епархии относились язычники-вогулы³ и мусульмане

3. По отчетам Екатеринбургского комитета Православного миссионерского общества их было несколько сотен. Более точно сказать нельзя, так

как вогулы были народом кочевым и могли перемещаться по территории нескольких северных епархий.

(татары и башкиры)⁴. Каждый из них требовал своего подхода, так как татары и башкиры представляли собой народ со сложившейся культурой, а вогулы были на иной стадии развития. Этой деятельностью занимался созданный в 1886 г. Екатеринбургский комитет Православного миссионерского общества⁵.

Внутренняя миссия занималась прежде всего старообрядцами, а с начала XX в., особенно после указа «О веротерпимости», и сектантами. Особенность екатеринбургской религиозной ситуации — сильное влияние старообрядцев, которые в большом количестве поселились в окрестностях озера Шарташ еще за полвека до образования здесь Екатеринбурга — в 1723 г.⁶ Основной способ воздействия на старообрядцев — публичные собеседования в местах их массового проживания. Участие старообрядцев и сектантов в собеседованиях было обязательным и обеспечивалось административными мерами. Организацией деятельности на поле внутренней миссии с 1897 г. занималось Братство во имя прав. Симеона Верхотурского⁷.

За исследуемый период миссионерское поле Екатеринбургской епархии значительно изменилось. В процессе оформления и укрепления окраинных территорий интерес для государства представляла прежде всего интеграционная функция внешней миссии, способствовавшая созданию культурного единства на территории многонациональной империи. После указа от 17 апреля 1905 г. «Об устранении стеснения в области религии и укреплении начал веротерпимости» административный государственный ресурс давления на инаковерующих был удален из арсенала миссионерской деятельности русской церкви, что поставило миссию в новые условия.

Во-первых, без поддержки власти миссионер был вынужден опираться только на свои силы и на веру в Бога. С одной стороны, это было непривычно, а с другой — открывало возможность реализовывать миссию церкви, а не миссионерскую политику Российского государства.

Во-вторых, стала очевидна невысокая эффективность проводившейся до этого миссионерской деятельности. Первая

4. По оценке инородческого миссионера о. Александра Миропольского мусульман (татар и башкир) на территории епархии было более ста тысяч.

5. См.: ЕЕВ. 1886. № 48. С. 1084–1089.

6. В начале XX в., по отчету Братства во имя прав. Симеона Верхотурского за 1904 г., «расколь-

ников и сектантов» было 53.925 человек. В действительности эта цифра значительно больше, так как старообрядцы очень неохотно участвовали, например, в первой всеобщей переписи 1897 г., которую проводило Министерство внутренних дел.

7. См.: ЕЕВ. 1886. № 38. С. 865–866.

всеобщая перепись 1897 г., которую проводило Министерство внутренних дел, выявила, что примерно треть населения страны (37 млн) не относила себя к православным [*Словарь*, 168]. Если подвести итог всему внутрirosсийскому миссионерству за 50 предреволюционных лет, то мы увидим, что православная церковь ассимилировала 1 172 758 католиков, униатов, протестантов, старообрядцев, духовных христиан [*Милюков*, 198], т. е. порядка трех процентов. А сразу же после публикации «Закона о веротерпимости» начался массовый отток верующих из православия. По суммарным подсчетам данных, приведенных С.Л. Фирсовым, численность отпавших от православия за 1907–1914 гг. в общей сложности превысила 118 тыс. человек, при этом количество присоединившихся к православной церкви за этот период было практически эквивалентным, с небольшим превышением (на 5–7 тыс.) по отдельным годам [*Фирсов*, 659–660].

В заключение характеристики миссионерского поля надо сказать о приоритетных направлениях внешней и внутренней миссии того времени. При анализе публикаций ЕЕВ, связанных с миссией (всего их было 501), становится очевидным, что большую часть этого объема занимает миссионерская деятельность среди старообрядцев (внутренняя миссия) — 330 материалов за все время издания газеты. При этом публикаций о миссионерской деятельности среди мусульман меньше в шесть раз (51), хотя они появляются с первых дней выпуска издания. Значительное количество публикаций (93) посвящено миссионерской деятельности среди сектантов, к которым относили тогда баптистов, иеговистов, иоаннитов, штундистов. Самые ранние из них начинаются в 1889 г., т. е. на четвертом году выпуска издания. Статьи о миссионерской деятельности среди католиков, униатов, иудеев публикуются с первых номеров, но занимают небольшое место в содержании газеты: 14 — о католиках и униатах, 13 — об иудеях. Учитывая высокое доверие к напечатанному слову в конце XIX в., можно сказать, что ЕЕВ имели функцию не только информирования, но и влияния на миссионерское поле. Это выражалось среди прочего и в том, что на страницах издания появлялись материалы не только информационного, но и назидательного характера⁸.

8. См., напр.: Назидательные уроки из жизни преподобной Марии Египетской (Внебогослужбное чтение) (ЕЕВ. 1905. № 7. С. 183–193); Поучение на 9 мая — день перенесения мощей святителя и чудотворца Николая (Веротерпимость должна иметь

границы) (ЕЕВ. 1901. № 11. С. 471–476); Поучение Преподобнейшего Иринея, епископа Екатеринбургского и Ирбитского, в предостережение от ложных и опасных современных мудрствований (ЕЕВ. 1900. № 18. С. 791–799).

Таким образом, характеризуя миссионерское поле Екатеринбургской епархии, можно сказать, что первые собственные информационные материалы, касающиеся миссии, на страницах ЕЕВ появились в 1893 г. Серьезное влияние на миссионерское поле оказывали не только церковные цели миссии, но и задачи укрепления государства. Миссионерская деятельность разделялась на внутреннюю и внешнюю, каждой занималось отдельное церковное учреждение, а для разных объектов миссии требовался свой подход. Особенностью Екатеринбургской епархии было то, что раскольники — основной объект миссии — жили на этой земле задолго до промышленного освоения этой территории и имели здесь сильные позиции. Миссионерская ситуация в епархии изменилась после публикации указа «О веротерпимости». «Екатеринбургские епархиальные ведомости» были информационным каналом воздействия на миссионерское поле.

Внешняя миссия

Методы внешней миссии в епархии воспроизводились Екатеринбургским комитетом Православного миссионерского общества (далее — ПМО) на основании опыта, в основу которого были положены принципы миссии, выявленные в многолетней миссионерской деятельности основателя ПМО свт. Иннокентия Московского (1797–1879), в 1977 г. прославленного Русской православной церковью в лике святых как апостола Сибири и Америки.

Наиболее важными представляются следующие принципы миссии свт. Иннокентия: особые аскетические и молитвенные усилия будущего миссионера, изучение языка и культуры местных народов, последовательность приведения человека к вере, опора на существующий у народа опыт богопознания и личный пример жизни по Евангелию [*Попиченко*]. Формами внешней миссии были: организация школ для изучения русской грамоты, проведение богослужений во время миссионерских путешествий, перевод молитв на понятный язык.

Цель внешней миссии в Екатеринбургской епархии в конце XIX в. сводилась к *приобщению нехристиан и язычников из инородцев к русской культуре через изучение русского языка, участие в богослужении через исполнение обрядов. Это совпадало с целью деятельности Екатеринбургского комитета ПМО, выраженной как «приобщение к русской культуре и русской гражданственности» [ЕЕВ. 1906, 186–211].*

В Екатеринбургской епархии проживали язычники-вогулы. На территории епархии их было немного — несколько сотен, но для них учреждались школы, к ним приезжали священники с походным храмом, была создана «Вогульская азбука» и переведены на вогульский язык некоторые молитвы, была даже построена часовня в глухой тайге на горе Шестова (Северный Урал). В отчетах 1906 г. говорится о том, что миссия вогулам больше не нужна, так как они «осели и обрусели»⁹. Отчет позволяет нам увидеть, как Комитет ПМО оценивал собственную деятельность относительно вогулов за прошедшие 20 лет. В 1886 г., когда Комитетом была учреждена первая школа грамотности для вогулов, ситуация была следующая.

Деревни Лопаева, Петрова, и в особенности Лача и Митяева суть самые отдаленнейшие и глухие пункты в Екатеринбургской епархии, населенные бывшими ясачными вогулами, в высшей степени некультурным народом. Их дети до 20-летнего возраста не имели ни малейшего понятия не только о грамотности, но даже и о храмах Божьих и о церковном богослужении, а многие женщины во всю свою жизнь не бывали в храмах, разве только при выходе в замужество во время венчания... грамотность считалась у них каким-то ужаснейшим злом... держалась крепко вера в леших, водяных, домовых, колдунов и проч.¹⁰

Что изменилось к 1906 г. под воздействием школ, открытых комитетом Православного миссионерского общества?

За 20 лет во всех поименованных деревнях появились грамотные люди, вогулы совершенно обрусели, и даже позабыли свой природный вогульский язык и говорят теперь по-русски, и ничем почти не отличаются от русского крестьянина по образу своей жизни¹¹.

Результат 20-летней деятельности Комитета ПМО понимается следующим образом:

Христианство сменило здесь шаманство и в значительной степени вытеснило прежние языческие понятия и суеверия. Таким образом Миссионерский

9. См : Отчет Екатеринбургского епархиального комитета Православного Миссионерского общества за 1906 год // ЕЕВ. 1906. № 12. С. 6.

10. См : Там же. С. 8.

11. См : Там же. С. 6.

Комитет сделал все возможное для приведения к истинной христианской православной вере прежнего язычника вогула и приобщил его к русской культуре и государственности. Вогулы теперь уже перечислены в государственные крестьяне¹².

Приобщением «к русской культуре и государственности» признается причисление в государственные крестьяне, а утверждение Комитета ПМО, что «христианство сменило здесь шаманство», не имеет качественного подтверждения. Более того, в этом же отчете, в разделе о «пастырских поездках к кочующим вогулам» говорится о том, что «вогулы-полуязычники и вера христианская у них перемешана с языческими понятиями. Кровавые жертвоприношения процветают в полной силе, причем они совершаются в честь Господа Иисуса Христа, Божией Матери и св. Николая Чудотворца, которые в представлении их являются — белыми, добрыми и строгими шайтанами»¹³. Из этого можно сделать вывод, что «приобщение к русской культуре и гражданственности» через факт перечисления вогулов в государственные крестьяне стало достаточным основанием для прекращения миссионерской деятельности среди вогулов, но не привело язычников «к истинной христианской православной вере». Среди целей, которые были названы в Уставе ПМО и опубликованы в ЕЕВ № 12–13 за 1886 г., не значилось огосударствления языческих народов. Таким образом, Екатеринбургский Комитет ПМО в своей деятельности по отношению к вогулам решал не миссионерские, а иные задачи, что привело к уничтожению культуры северного народа, проживающего на территории епархии.

Наиболее активное время миссии язычникам-вогулам приходится на период с 1897 по 1904 год, когда была создана вогульская азбука, переведены молитвы, построена часовня, прошло основное количество миссионерских экспедиций. Все эти проекты были осуществлены при прямом участии иерея походного храма о. Петра Мамина. Его отчеты, опубликованные в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях», позволяют оценить плоды внешней миссии и сделать вывод, что приобщение к русской культуре и русской гражданственности оказалось губительным

12. См.: Отчет Екатеринбургского епархиального комитета Православного Миссионерского общества за 1906 год // ЕЕВ. 1906. № 12. С. 9.

13. Там же.

для культуры вогулов, а если и способствовало христианизации, то незначительно.

Внешняя миссия велась и среди мусульман (татар и башкир), проживающих на юго-востоке епархии. Если к вогулам применялся метод инкультурации¹⁴, который по сути подменял собой миссию, то в отношении к мусульманским народам было невозможно совершить такую же ошибку, так как у татар и башкир была собственная развитая культура. Екатеринбургский комитет ПМО пробовал задействовать те же формы, что и по отношению к язычникам — создание школ для обучения грамоте, миссионерские путешествия — но эти начинания не принесли плодов.

Стоит обратить внимание на деятельность инородческого миссионера, который появился в епархии в 1910 г. На эту должность из Казани пригласили бесприходного протоиерея о. Александра Миропольского¹⁵. Его миссионерская деятельность давала много информационных поводов для публикаций на страницах ЕЕВ, да и он сам неоднократно был корреспондентом газеты. Он считал, что в обращении с инородцами, раскольниками и сектантами, безусловно, необходима любовь. В своем выпускном сочинении в духовной академии «Любовь и самолюбие с религиозной точки зрения» он приводил примеры того, как крещеные инородцы оставались христианами и не отпадали в мусульманство в тех случаях, когда священнослужители относились к ним с христианской любовью. Прочитав это сочинение, ректор академии¹⁶ заметил, что в отношении раскольников и сектантов нужна не любовь, а «порка по естеству».

Формы миссии о. Александра не были новшеством. Он проводил личные собеседования с мусульманами в любом удобном месте, например у себя дома, где собирал по 10–15 мусульман. Они сидели по 2–3 часа, «рассуждая о разных вопросах веры христианской и мухаммеданской», читали Евангелия от Матфея (5–7 главы) и от Иоанна — о Воплощении Слова Божьего. Неоднократно просматривали места Корана, «богопротивные по своему учению и несогласные с действительностью»¹⁷. Отец Александр много проповедовал на вокзале среди рекрутов

14. Термин «инкультурация» в отечественной миссиологии имеет и позитивное, и негативное значение. В данном случае мы понимаем инкультурацию в негативном смысле, как насильственное насаждение культуры через отрицание имеющейся у инородцев собственной культуры.

15. См.: ЕЕВ. 1910. № 42. С. 955–958.

16. Ректором Казанской духовной академии с 1905 по 1912 г. был архиеп. Алексей (Дородницын).

17. См.: ЕЕВ. 1912. № 36. С. 713.

из мусульман, специально ездил в места массового проживания мусульман — Алапаевск, Надеждинск — чтобы распространять там литературу противомусульманского содержания. Его деятельность в приюте для башкир в городе Касли, где он жил, резко отличалась от подхода его предшественников. Он сразу заявил башкирам, что будет учить детей Закону Божьему. На удивление, это не развалило приют, но, напротив, привлекло внимание башкирского населения. Похоже, именно принципиальность о. Александра вызывала уважение местного населения. Башкиры говорили: «ты ворожить умеешь... наши ребята очень любят тебя, а вон больше-то идут в твою веру». Изучая литературные и миссионерские труды о. Александра, можно предположить, что в основе его метода лежала просветительская деятельность¹⁸.

На этом примере видно, что действенный опыт внешней миссии свт. Иннокентия Московского, воспринятый по форме, легко усваивается структурой (в данном случае Екатеринбургским комитетом ПМО), но это не гарантирует положительного результата. Вот если миссионер творчески относится к миссионерской деятельности и учитывает особенности миссионерского поля, то, усваивая и обновляя формы, он приходит к тем же принципам, что и свт. Иннокентий Московский. И тогда его деятельность начинает приносить плоды, как мы видим на примере о. Александра Миропольского.

Внутренняя миссия

К моменту образования Екатеринбургской епархии отношения между старообрядцами и церковными структурами сохранялись напряженными, так как еще памятли были «николаевские» методы борьбы с расколом, когда действовал запрет строить молитвенные дома, «совратителей» ссылали «за Урал» (т. е. как раз в Екатеринбург), непокорных отдавали в солдаты. То есть на миссионерском поле епархии в направлении внутренней миссии стоял ряд очень актуальных проблем.

18. Летом 1918 г. во время гражданской войны перед отступлением из города Касли красные замучили и убили более тридцати заложников. Среди них был и о. Александр Миропольский. Его арестовали 22 июня, а в ночь на 23 июня расстреляли. Местные татары, знавшие о. Александра, поразились такому

зверству. Они говорили: «Зачем красные убили его? Он хорошие книги давал, добру учил». Решением Священного синода от 17 июля 2002 г. священномученик Александр Миропольский был прославлен в Соборе новомучеников и исповедников Российских от Екатеринбургской епархии.

Во-первых, в ней более наглядно, чем во внешней, проступает отношение государства к церкви как к «ведомству православного исповедания», обязанному выполнять административные указания. При этом влияние государственных интересов на внутреннюю миссию в Екатеринбургской епархии в исследуемый период возрастало. До указа «О веротерпимости» миссионерским методом была борьба, подкрепляемая государственным ресурсом принуждения. После удаления административного ресурса из арсенала миссионера актуальным методом стала защита. В результате изменился только характер метода, подход остался прежним.

Во-вторых, церковь нуждалась во внутренней миссии, направленной прежде всего на тех, кто формально числился в ее ограде — православных христиан, — но не реагировала на это адекватно. Если на собеседования не приходили старообрядцы, то собравшимся православным все равно говорили о том, почему не правы старообрядцы. Это давало неожиданный эффект.

Так, в Великом посте 1899 г. число исповедавшихся увеличилось против прошлого года на 1680 человек, причем приходили на исповедь многия, не постовавшие по 20 лет и 30 лет¹⁹.

К сожалению, миссионеры не увидели в этом повода сосредоточиться на миссии этим людям и продолжали сгонять на собеседования раскольников.

Что касается влияния взаимоотношений церкви и государства на внутреннюю миссию, то и эта проблема развивалась. До 1905 г. главенствовала борьба против «отступников», основной метод — собеседования, которые имели принудительный характер.

Миссионерские собеседования приобретали характер публичного суда над еретичеством. Неохотно шли старообрядцы и сектанты на этот суд, но шли, потому что «начальством приказано» [Потехин, 123].

До публикации указа «О веротерпимости» формы внутренней миссии определялись «Правилами об устройстве миссий и о способе действий миссионеров и пастырей церкви по отно-

19. См.: Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1901. № 5. С. 53–61; № 6. С. 70–87.

шению к раскольникам и сектантам», принятыми по результатам работы состоявшегося в 1887 г. в Москве Всероссийского съезда противораскольнических миссионеров. Согласно этим правилам была учреждена должность епархиального миссионера, признаны необходимыми систематические беседы с отпавшими от православной церкви. При этом во время собеседований «миссионер должен соблюдать душевное спокойствие, кроткое обращение и терпение. К содействию полицейской власти прибегать в крайних случаях» [*Правила об устройстве миссий*, 179].

После 1905 г. церковно-государственные отношения в области внутренней миссии изменились. Чтобы привлечь старообрядцев и сектантов на беседу, миссионер должен придать ей какой-то новый характер. Этот стимул находили в изъяснении православного христианского учения и сопоставлении его с учением старообрядцев. В подобном изменении характера собеседований мы видим новую методику, которую пришлось применять миссионерам в иной миссионерской ситуации. Удаление административного ресурса из арсенала миссионера исключило возможность действий с позиции силы во внутренней миссии. Теперь согласно новым «Правилам об устройстве внутренней миссии» на миссионерском поле была актуальна «Защита православной веры и церкви от пропаганды инославия, раскола, сектантства и неверия» [*Правила об устройстве внутренней миссии*, 937]. В соответствии с ними миссия (это не касалось епархиальных миссионеров) должна «совершаться тремя способами: самим верующим народом, приходскими пастырями и лицами, специально посвятившими себя миссионерской деятельности».

На практике Екатеринбургской епархии новые правила практически не отразились. В отчетах Братства прав. Симеона Верхотурского, курирующего внутреннюю миссию в епархии с 1897 г., нет упоминания о каких-то формах народно-приходской и пастырско-приходской миссии. При этом материалы, описывающие собеседования со старообрядцами, стали публиковаться только в неофициальной части ЕЕВ, а содержание собеседований приобрело апологетический и личностный характер.

Вместе с тем надо отметить, что в Екатеринбургской епархии еще в 1897 г. на миссионерском съезде была разработана и принята Программа внутренней миссии. Она включала в себя как основной элемент необходимость «призвать к непосредственной

миссионерской деятельности местные силы»²⁰. Для этого в епархии было учреждено 28 миссионерских комитетов, каждый из которых состоял из священника и «сотрудников из мирян, преимущественно из лиц, бывших в расколе»²¹. Задачей миссионерских комитетов было «возсоединение с церковью отпавших от нея, равно как и укрепление в преданности церкви колеблющихся»²². Этого внутреннего импульса хватило ненадолго. Отчеты о реализации этой миссионерской программы встречаются все реже, а к 1910 г. вовсе исчезают.

В Екатеринбургской епархии встречаются примеры личной миссионерской деятельности. Так, активно занимался просвещением прот. Николай Буткин. Его публичные лекции собирали большое количество слушателей²³ и всегда имели резонанс в обществе, о чем писала местная пресса²⁴. Просветительскую деятельность о. Николая Буткина отметил еп. Серафим (Голубятников)²⁵. Отец Николай заботился о том, чтобы в церкви преодолевалось обрядоверие и «народная религиозность»²⁶. Он писал, что церковное предание нуждается в постоянном возгревании и оживотворении²⁷.

Таким образом во внутренней миссии появилась тенденция к научению народа, а не к обличению старообрядцев, и сам православный приход определялся как главное миссионерское поле. Первостепенной задачей при этом некоторые миссионеры видели научение людей через изменение качества собеседований или через просвещение, как священник Николай Буткин, и через катехизацию, как священник Савва Потехин. Более жизнеспособной оказалась личная миссионерская просветительская деятельность. Но эти меры запоздали или их было недостаточно для того, чтобы изменить ситуацию.

20. См.: Распоряжение епархиального начальства от 3–17 сентября 1907 года за № 844 о назначении катехизаторов на 1908 год // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1907. № 37. С. 192.

21. Распоряжение епархиального начальства от 3–17 сентября 1907 года за № 844 о назначении катехизаторов на 1908 год // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1907. № 37. С. 192.

22. Там же. С. 193.

23. Так, например, лекция «Ищущие Бога», прочитанная священником Николаем Буткиным 27 января 1913 г. в зале Екатеринбургского отделения Импе-

раторского русского музейного общества, собрала около тысячи слушателей. См.: [Сычева].

24. См., напр.: На лекции прот. Буткина // Народная газета. 1919. № 8.

25. Епископ Серафим (Голубятников) возглавлял Екатеринбургскую кафедру в 1914–1917 гг. См.: [История, 536].

26. Буткин Н., священник. Путь исповедничества // ЕЕВ. 1909. Отдел неофиц. № 5. С. 72.

27. Буткин Н., священник. Путь исповедничества // ЕЕВ. 1909. Отдел неофиц. № 3. С. 132.

Заключение

Рассмотрев деятельность Екатеринбургской епархии в миссионерской ситуации, присущей России конца XIX — начала XX века, мы можем сделать следующие выводы:

1. Миссионерская деятельность церкви в Екатеринбургской епархии реализовывалась как внутригосударственная политика, которая транслировалась через решения Священного синода — органа церковной и государственной власти. Таким образом на миссионерском поле епархии не было миссии в нормальном значении этого слова как проповеди для пробуждения веры.

2. Миссионерские организации Екатеринбургской епархии в области внешней миссии занимались приобщением к русской культуре и русской гражданственности язычников-вогулов и мусульман, а в области внутренней миссии их усилия были направлены на возвращение в мистериальные границы Церкви старообрядцев и сектантов.

3. Организационная миссионерская программа из решений синода накладывалась на миссионерское поле Екатеринбургской епархии без учета специфики территории, возможности восприятия программу и необходимости самой программы.

4. Миссионерские организации и некоторые священники проявляли личную миссионерскую инициативу. Например, священник Николай Буткин и инородческий миссионер священник Александр Миропольский осуществляли личное миссионерское призвание через просвещение. Братство во имя прав. Симеона Верхотурского инициировало собственную миссионерскую программу, копируя при этом управленческие методы Священного синода.

5. В области внутренней миссии — главной для Екатеринбургской епархии — влияние государственных интересов трансформировало ее цель: из борьбы со старообрядцами в необходимость защиты православной веры. При этом основная форма внутренней миссии — собеседования со старообрядцами — не утратила актуальности, но изменила свой характер. В другой проблеме — неготовности миссионеров отреагировать на запрос православного прихода — наметились какие-то пути решения. Первостепенной задачей на этом поле некоторые миссионеры видели просвещение людей: например, как священник Николай Буткин — через изменение качества собеседований, или через катехизацию — как священник Савва Потехин. Но эти меры запоздали или их было недостаточно для того, чтобы изменить ситуацию.

Источники

1. *ЕЕВ* = Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1886–1917 гг. : Аннотированный библиографический указатель [Электронный ресурс] / Сост. М. Ю. Нечаева. Екатеринбург : Баско, 2009.
2. *Потехин* = Потехин Савва, свящ. Какое место в церковной жизни могут и должны иметь миссионерские собеседования с народом в настоящее время // Миссионерское обозрение. 1906. № 2. С. 121–138.
3. *Правила об устройстве внутренней миссии* = Утвержденные Св. Синодом правила об устройстве внутренней миссии православной русской церкви // Миссионерское обозрение. 1908. № 6. С. 937–945.
4. *Правила об устройстве миссий* = Правила об устройстве миссий и о способе действий миссионеров и пастырей Церкви по отношению к раскольникам и сектантам // Церковные ведомости. 1888. № 28. С. 175–182.
5. *Справочная книжка. 1909* = Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1909 г. Екатеринбург : Тип. А. М. Жукова, 1909. 299 с.
6. *Справочная книжка. 1915* = Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1915 г. Екатеринбург : Тип. Е. Н. Ершова и К^о, 1915. 186 с.

Литература

1. *Бердяев* = Бердяев Н. А. О фанатизме, ортодоксии и истине // Человек. 1997. № 9. С. 67–69.
2. *Бош* = Бош Д. Преобразование миссионерства. СПб. : Библия для всех, 1997. 636 с.
3. *Есикова* = Есикова Е. Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди нехристианского населения Оренбургской епархии, 1859–1917 гг. : Автореф. дис. док. историч. наук. Челябинск : 2010. 250 с.
4. *История* = История Екатеринбургской епархии / Главацкая Е. М. и др. Екатеринбург : Сократ, 2010. 552 с., ил.
5. *Князева* = Князева О. Р. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в 1905–1917 гг. : На примере епархий Пермской губернии : Автореф. дис. канд. историч. наук. Пермь : 2000. 217 с.
6. *Концепция миссионерской деятельности* = Концепция миссионерской деятельности РПЦ. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/220922.html> (дата обращения: 12.07.2015).
7. *Кочетков* = Кочетков Георгий, свящ. Крещение Руси и развитие русской миссии // Вестник РХД. 1989. № 156. С. 5–44.
8. *Милюков* = Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры : В 3 т. Т. 2. Ч. 1 : Церковь. Религия. Литература. М. : Прогресс, 1994. 416 с.

9. *О внешней миссии* = О современной внешней миссии Русской Православной Церкви : Документ принят на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви 16 июля 2013 г., журнал № 80. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3102956.html> (дата обращения: 10.07.2015).
10. *Попиченко* = Попиченко Д. А. Главные принципы миссии в сочинениях и практике свт. Иннокентия Московского. URL: <http://www.sfi.ru/statja/glavnye-principy-missii-v-sochinenijakh-i-praktike-svt-innokentija-moskovskogo/> (дата обращения: 24.10.15).
11. *Православная миссия* = Православная миссия сегодня : Сборник текстов по курсу «Миссиология» / Сост. прот. Владимир Федоров. СПб. : Апостольский город, 1999. 405 с.
12. *Приходы и церкви* = Приходы и церкви Екатеринбургской епархии, 1902 г. : Справочник. Екатеринбург : Баско, 2009. 612 с.
13. *Словарь* = Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 41 (82) т. Т. 27А (54) : Репина — Рясское и Россия. СПб. : Тип. АО «Изд. дело, бывш. Брокгауз-Ефрон», 1899. 474 с.
14. *Стамулис* = Стамулис И. Православное богословие миссии сегодня / Предисл. протопр. И. Мейендорфа. М. : ПСТБИ, 2002. 448 с.
15. *Сычева* = Сычева Е. Н. Священник Николай Буткин. URL: <http://toge.ru/main/kraevedmuseikungur/science/gribushinskie-thesis/book7/chapter-07.html> (дата обращения: 27.04.2014).
16. *Фирсов* = Фирсов С. Л. Православная церковь и российское государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб. : Издательство Русского христианского гуманитарного института ; СПбГУ, 1996. 660 с.

D. G. Kashtanov

Missionary Work in the Yekaterinburg Diocese in the late XIX and early XX century (on the basis of the Yekaterinburg Diocesan Bulletin, 1886–1917)

On the basis of *the Yekaterinburg Diocesan Bulletin* (1886–1917), this article deals with the missionary work of the Yekaterinburg diocese focused primarily on internal mission. In the XIX century two types kinds of mission emerged in the Russian Orthodox Church (ROC) — external mission (to non-Christians and Pagans) and internal mission (to former Orthodox believers who fell into Old Belief and sectarianism as well as to Orthodox themselves). Throughout the Yekaterinburg diocese, external mission was addressed to Vogul Pagans and Muslims (Tatars and Bashkirs). The missionary work of the ROC in the Yekaterinburg diocese was carried out within domestic policy implemented through decisions of the Holy Synod, a body of church and state authority.

KEYWORDS: Yekaterinburg diocese, internal mission, external mission, Yekaterinburg Diocesan Bulletin, St. Simeon Verkhotursky Brotherhood, state missionary policy.